

Мерцающее безмолвие
Лопатин Антон

АНТОН ЛОПАТИН

Мерцающее безмолвие

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Лопатин А. С.

Мерцающее безмолвие / А. С. Лопатин — «ЛитРес: Самиздат»,
2008

Рассказ. Космический корабль перевозящий вакцину на планету-колонию терпит крушение в гиперпространстве. Из экипажа в живых остается трое человек.

© Лопатин А. С., 2008
© ЛитРес: Самиздат, 2008

Нуждаются ли в нас звезды? Жаждают ли иные миры почувствовать на себе стопу человека? Согласны ли сверхновые на присутствие человека при своей гибели? Важно ли черному безграничному вакууму, в котором несутся жалкие приплюснутые у полюсов шары и вовсе незаметные звездолеты, что мы существуем?

В начале своих полетов Сандерс думал и честно отвечал самому себе и другим: «Несомненно, да». Затем, встретившись с враждебными космическими аномалиями, коварством чужих планет, он начал отвечать: «Пожалуй, они против, но можно ли их винить? Кто хочет общаться с созданием, подобным человеку?» Но, отвечая так, он продолжал скоротечные прыжки и долгие перелеты от звезды к астероиду, от него к планете и снова и снова и дальше и дальше. И возвращаясь. «Да» – отвечал он первые десять великолепных лет, «Нет» – семь, полных упорства и надежды. И лишь сейчас, за сорок минут, сидя у затянутого силовым полем иллюминатора гибнущего корабля, он счел, что нашел верный ответ. «Им безразлично».

– Один... замечательный... – услышал рядом с собой Сандерс хриплый, с надрывом голос Беккета и наклонился к нему, думая, что тот опять бредит – писатель, в своем великом... рассказе о Севере... написал... – Беккет замолк, бледное лицо его, в аварийном свете, казалось тоскливой маской. Сандерс ждал. – «Сколько я ни встречал собак с затейливыми кличками, все они никуда не годились» – Беккет засмеялся, но тут же вскрикнул, и по губам его и подбородку побежали струйки крови. Сандерс ждал, он понял, что друг его говорит осмысленно. Сандерс взял платок и аккуратным, почти нежным движением, отер кровь с лица старшего помощника.

– Вот я и думаю Кайл – продолжил, наконец, Беккет тихим голосом и открыв серые глаза – наш корабль как одна из этих собак! Ха-ха! Он закашлялся, правая его изуродованная рука бешено затряслась, но вскоре вновь словно прилипла к залитой кровью койке. Беккет затих с озорной, но жуткой багровой улыбкой на лице.

Сандерс тоже против воли улыбнулся. Многие, и он в их числе, звездоплыватели любили произведения Лондона о Севере. А корабль и в самом деле назывался затейливо.

– «Император Оттон 1» – тихо сказал Сандерс звездной бездне.

В ответ, как всегда, молчание. Ни насмешливое, ни жестокое, ни что-то обещающее или чем-то грозящее. Просто черное молчание вселенной.

– Грузовой звездолет второго класса – продолжил, сжав кулаки, Сандерс, обращаясь к бесстрастной аудитории из космической пыли, квазаров, туманностей, звезд и света уже исчезнувших светил. Он чувствовал жажду говорить в этой никогда не нарушаемой тишине. Хотелось осквернить святыню, которой он поклонялся всю жизнь.

– Основной способ передвижения – в подпространстве. Имеет две палубы, четыре трюма, один медотсек, четыре спасательных капсулы.

«Вернее имел» – сказал про себя Сандерс, надеясь, что звезды не умеют читать мысли человека. Три часа назад корабль вынырнул из абсолютно черной, с белесыми всполохами, бесконечности подпространства. Искалеченным, деформированным, перекореженным. Впрочем, было удивительно, что подпространство выпустило их вообще. Аномалия в нем будто знала, что нужно разрушить в первую очередь – сплющила капсулы, вырвала медотсек, двигатель же просто исчез. Сверхпрочные антенны словно были иглами льда, истончившимися под пеклом тысячи солнц. И все технологии, все средства, все надежды были мертвы и более не пригодны. Экипаж понял и принял это не сразу.

На еще молодом лице Сандерса пролегли тяжелые морщины, вновь начали кровоточить глубокие порезы на лбу и щеке.

– Экипаж – восемь человек. «Пятеро мертвы, один при смерти, один – сошел с ума, последний – обречен». Красные капли тяжело падали на прежде белоснежный пол, рисуя на нем безобразные узоры.

– Вайген исчез ТАМ вместе со своим медотсеком, что с ним? Вне сомнения мертв. Но как он погиб? Что сотворил с ним этот чудовищный туннель подпространства, без стен, без времени? Самое беспросветное место во вселенной. «Бедный, самоотверженный Генрих».

Многие капли не стремились к полу. Стекая со щек, они бежали по скафандру, прочерчивая на его синеве багряные линии, расплзались в темные пятна.

– Лучше бы у тебя была злая воля – прошипел Сандерс черноте за иллюминатором. – Так было бы много легче. Ты погубила лучший экипаж.

Сандерс вспомнил как пару часов назад, после аварии, он, было, собрался воодушевлять их, утешать. Даже сейчас он улыбнулся. «Я просто забыл, с кем имею... имел дело. Беккет уже всех собрал, Лорейн проверяла приборы, Карл подготовил скафандры. Все сделали без меня, без приказов. Господи... мы были как идеальный сплав, как философский камень... Роман – медь, Лорейн – платина, Катрина – серебро, Тодер – сталь...

По лицу Сандерса прошла судорога.

«Сами доделаете чертову титаняку, сорванцы» – сказал им Тодер по внутренней связи, когда проклятый трос подвел, разъединился и техник отправился в последний полет. Роман включил реактивный ранец, но Тодер запретил. Его относило все дальше и дальше от корпуса, зрелище было невыносимым. «Лучше бы он сгинул сразу» – со стыдом подумал Сандерс. Тяжко было смотреть, как их шутника, их великого «целителя» техники уносит прочь и можно только беспомощно глядеть. И видеть как человек, целый мир, становится лишь крохотной белой фигуркой среди тьмы. А потом космос замазал его чернотой, как недовольный художник убирает лишнее с холста.

«Бедный, отважный Тодер».

Некоторые звезды излучали белый свет. Цвет скафандра. Они были далеко, а, может, их уже и не существовало. Как и Тодера. Как несправедливо. От них остался свет, который будет вечно идти сквозь вселенную, а от Тодера? Память? Сандерс издал истерический смешок.

Он умрет через... час. Семьи у Тодера нет. А считается ли памятью имя в списке павших космолетчиков? Посмотрит ли кто-нибудь его фотографию? А если посмотрит, то, разве, поймет, как он мог заставить всех испытывать жалость к сломанной машине, прибору, кораблю? И как заражал всех своей страстью к ремонту? Без разницы – никто не посмотрит. Что он сделал? Ни изобрел новой технологии, ни разрушил вражеского корабля. Для чего людям его помнить? Что их заставит? Жил честно, умер с честью – ну и что?!

Сандерс дернул себя за волосы и в ладони остался клочок каштановых прядей. Перед глазами его стоял высокий улыбающийся человек, и вдруг тело его покрыл скафандр, лицо исчезло под шлемом и гигантские, еле различимые во тьме, такие же черные, как и сама тьма, пальцы утащили Тодера.

Но смерть его не была страшней, чем гибель Катрины, медленно размазанной ставшим ветхим, после выхода из туннеля, блоком. А что испытал Роман, когда в скафандр попало топливо? Смесь, которая сначала облепила тело и прежде чем сжечь его заживо, разъедала кожу, кости, выедала глаза. Боже! А Карл? Это лучше не вспоминать.

– Ты прибрал их всех – сказал Сандерс космосу.

Они уже поняли, что обречены, они уже решили вернуться в больное чрево погибающего звездолета и предаться воспоминаниям, записать послания... но черная пустота и ставший опасным после надругательства туннеля корабль отпустил лишь Сандерса и, изжевав половину его тела, Беккета. А Фейч и так был внутри.

Сандерс покосился на картографа. Сейчас он боялся Джозефа. Сквозь глаза его, к счастью, сейчас прикрытые, не прячась, на мир смотрело безумие. Сандерс понимал, что с ума сошел бы любой, увидь он то о чем, то, возвышая голос, то, скатываясь до шепота, повествовал Фейч, приходя в себя, но менее жутко от этого не становилось.

Сандерс опустил на пол, прикрыл глаза. Когда-то он не мог насмотреться на черное безразмерное полотно с мириадами искр. Это «когда-то» было три часа назад, подумал он. Он желал не иных миров, но самой великой звездной пустоты между ними. Он был без ума от навигации в ней, обожал свои глаза, за то, что они позволяют ему вкушать разноцветье туманностей, формы джетов и балджов, вращение колец планет, блуждание комет, пляску астероидов и... даже пугающую, но грандиозную тьму, безвременье и безмерность подпространства.

И неужели теперь его удел лишь ненависть и горечь?

Разве может он обвинять вселенную? Звала ли она его, Карла, Фейча, человечество? Обещала награды, истину, если оно преодолеет барьеры? Нет. Космос всегда молчал. О, нет, конечно, радиоастрономы всегда слышат вселенную, и Сандерс тоже любил слушать шипение Млечного Пути, треск пульсаров. Внимать можно столь многому – зову радиогалактик, эху невидимых миров, крику квазаров.

Сандерс думал об иной тишине. О той, которую он ощущал среди гудения приборов, разговоров в столовой, даже слушая собственный голос, когда отдавал приказы. Находясь в космосе, он всегда чувствовал её. Такую тишину не встретишь на планетах. Сандерс погрузился на батискафе в расщелину Сумеречного моря на темном, удаленном от своего светила Эхнатоне. Спускался в пустующие тысячелетия норы на Кампе. И сравнивал. В норах, тишина, для него, была тревожной, в глубинах серых вод – унылой. Но не было такой тишины, которая подавляла и восхищала более чем вселенская. Её невозможно нарушить, её нельзя даже вообразить. «Больше нет молчания такого масштаба, – размышлял Сандерс, – ведь безмолвствует сама бесконечность».

– Я видел их фантомы...

Сандерс вздрогнул, испуг пронзил его как лезвие. Фейч открыл глаза и еще больше сполз на пол, вытянув ноги. Голубые глаза его смотрели сквозь Сандерса, сквозь стену каюты. Сандерсу казалось, что они по-прежнему видят, то, что явила ему беспроглядная пустота подпространства.

– Они плавали в нём, разных форм, размеров. Плавали тысячами и гибли... я видел их смерти. Одни словно истаявали, другие оно сминало, как пластилин, и еще сотни способов... Исторгало из себя в неисчислимо далекие области и они никогда не возвращались домой, пожирало двигатели и оставляло вечно курсировать в себе. И знаешь что?! – вдруг вскричал Фейч и Сандерс чуть не повалился на пол.

– Оно может протянуть руку и сюда. Куда угодно – сказал почти шепотом Фейч.

Сандерс попятился, будто это Фейч был опасен. «Куда это я собрался бежать? От этого нельзя скрыться, оно поистине везде». Сандерс несколько раз глубоко вздохнул и сказал Фейчу: брось старина, никому мы не нужны. Успокойся. Но Фейч как будто не слышал.

– Оно не злое и не доброе, оно просто есть. Оно показало мне Червя и Спираль. И я увидел, что случается при Разрыве.

Фейч на мгновение закатил глаза, а Сандерса проняла дрожь.

– Я видел экипажи кораблей...

«Не хочу, не могу слушать» – закричал разум Сандерса. Его зеленые глаза встретились с воспаленным взглядом Фейча и их голубизна и таившийся за ней помутненный разум приковали Сандерса. Фейч говорил, и в голосе его Сандерсу чудились звуки вселенной: шипение, потрескивание и даже тишина. Фейч говорил, и глаза его словно обратились в бездонные воронки. Сандерс тонул в этой бездне, внутри одного человека и, слушая надломленный и чуть восхищенный голос картографа, видел ИХ.

Видел зал полный молочного тумана и огоньки, складывающиеся в неведомые узоры, и в тумане то ли плавали, то ли летали причудливые существа с белесой кожей и треугольными глазами с множеством зрачков. Видел созданий в скафандрах, у которых вместо ног были хво-

сты, и они отчаянно били ими о бледно-голубые стены круглого помещения с единственным иллюминатором, и за ним была тьма с белыми всполохами. Он оказался рядом с какой-то серой стеной, и та вдруг рассыпалась в пыль, и на Сандерса понеслись безмолвно кричащие существа с чешуей и костяными гребнями на головах. И кончилось все тем, что он лежал в тягостно пустом громадном помещении, в окружении сотен каких-то приборов, которые были лишь тенями и пол был покрыт пленкой изумрудного цвета, а потолка будто не было вовсе. И внезапно Сандерс увидел, что впереди зияет колоссальный разлом, ведущий в безвременную тьму, и его понес туда невидимый поток. Он боролся с этим потоком, хватался за воздух, которого не было, который давно закончился в этом пустом склепе. И задыхаясь, он видел призраков. А линии разлома будто ожили, задвигались, затрепетали и выпустили клыки и, когда разлом уже был в одном мгновении от Сандерса, тот выставил руки... И все оборвалось, и Кайл Сандерс почувствовал жуткую боль, все виды боли доступные человеку. Он обхватил голову, в которой бился замученный разум и повалился на пол. Глаза пылали изнутри, и тьма не приходила, а наоборот все было до агонии ярко, словно он был заперт внутри солнца. А на затылке плясал безумный великан в стальных сапогах со шпорами, лоб плавил кислота, а виски сдавливало, сверлило, жгло, резало... и в какой-то момент Сандерс почувствовал, как голова расслаивается, алый лоскут за лоскутом, как рвется вязь мыслей и разум исчезает в черной вспышке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.